

Н. И. Загороднюк

Советизация в Тазовском районе в 1920–1930-е гг.

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности процесса советизации как части модернизационного процесса в 1920–1930-е гг. в отдаленном от административных центров регионе – Тазовской тундре (современном Тазовском районе ЯНАО). На основе широкого круга источников, как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот, раскрываются страницы истории проведения выборов в первые национальные советы, сложности введения новых, классовых отношений, формирования социальных групп и правовых отношений. В статье подчеркивается, что социально-политические преобразования сопровождались процессом районирования – поиском оптимального административно-территориального устройства с учетом, в первую очередь, экономических факторов. Неоднократный пересмотр областных, районных границ территорий не способствовал стабильности деятельности местных органов власти.

На основе архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, показан начальный опыт формирования местных органов советской власти в заполярной тундре, особенности проведения перевыборных кампаний. Обращается внимание на процесс классовой дифференциации населения, формирования слоя «лишенцев» – лиц, лишенных избирательных прав, их социального состава, где особую группу составили шаманы.

Сделаны выводы о том, что формирование местных органов власти проходило в тесной взаимосвязи с административно-территориальным устройством, непонимание проводимых советской властью мероприятий порождало факты пассивного и активного сопротивления со стороны коренного населения, что, в свою очередь, привело к использованию репрессивных методов со стороны местных органов власти для достижения поставленных целей.

Ключевые слова: советизация, модернизация, лишение избирательных прав, шаман, Тазовский участок Туруханского края Енисейской губернии, Тазовский национальный совет Обдорского района, Тазовский район Ямало-Ненецкого национального округа.

N. I. Zagorodnyuk

Sovietization in the Tazovsky district in the 1920–1930s

Abstract. This article discusses the features of the process of Sovietization as a part of the modernization process in the 1920–1930s in the distant from the administrative centers of the region – Taz tundra (modern Tazovskiy district of YANAO). On the basis of a wide range of sources, both published and for the first time introduced into scientific circulation, the article describes the history of elections in the first national councils, the complexity of introducing new, class relations, formation of social groups and legal relations. The article emphasizes that the socio-political transformation was accompanied by a process of regionalization – the search for an optimal administrative-territorial structure given in the first place, economic factors. The repeated revision of the regional and district boundaries of territories do not contribute to the stability of local authorities.

On the basis of archival documents, for the first time introduced into scientific circulation, an initial experience of forming of local organs of Soviet power in the Arctic tundra shows as the features of the re-election campaigns. Attention is drawn to the process of class differentiation of the population, forming of the layer of the "disenfranchised persons" – persons who were deprived of electoral rights, their social composition, where a special group was made up of shamans.

It is concluded that the formation of local authorities took place in close connection with the administrative-territorial device; a lack of understanding by the Soviet government activities gave rise to the facts of passive and active resistance from the site of indigenous population, which in turn led to the use of repressive methods by local authorities to achieve their goals.

Key words: sovietization, modernization, disenfranchisement, shaman, Taz district of Turukhansk Krai of Yenisei Province, Taz national council of Obdorsk district, Tazovsky district of Yamalo-Nenets national okrug.

В современной историографии все большее внимание уделяется изучению специфики модернизации традиционных обществ в 1920–1930-е гг. Неоднозначная оценка отечественными и зарубежными исследователями вопросов, связанных с административно-национальным устройством территорий, созданием новых форм экономической и социальной организации, пропагандой и насаждением новых систем ценностей и т. д., вызывает необходимость осмысления этих проблем. В данной статье предполагается рассмотреть особенности процесса советизации на территории, получившей условное название «Тазовская тундра», соответствующей административно-территориальным единицам того времени – Тазовскому участку Туруханского края Енисейской губернии, Тазовскому национальному совету Обдорского района, Тазовскому району Ямало-Ненецкого национального округа. В данном случае, советизация рассматривается как комплекс мер, направленных на осуществление политических, социально-экономических и культурных преобразований, на формирование нового образа жизни в рамках идеологии Советского государства. Ограниченный рамками статьи, автор акцентирует внимание читателя лишь на некоторых мерах: в первую очередь, на специфике формирования местных органов власти и методах осуществления поставленных задач, а также особенностях административно-территориального устройства с учетом социальной структуры населения, устройства территории.

До масштабных административно-территориальных изменений 1923 г. территория бассейна рек Пура и Таза входила в состав Тазовского участка Туруханского края Енисейской губернии. Немногочисленное, в основном кочевое население Тазовской тундры экономически больше было связано с Обдорском и Сургутом, нежели Туруханском. Об оседлом населении можно говорить с 1860-х гг., когда здесь появились первые фактории тобольских купцов для организации рыбного промысла и торговли с местным населением.

Рассуждать о численности кочевого населения можно только с оговорками, так как часть ненцев платила ясак в Обдорске, другая в Туруханске. До начала XX в. проводимые переписи не затронули этот отдаленный регион. Поэтому интересен сам факт – по данным Енисейского губстатбюро, на 1917 г. на побережье Тазовской губы, рек Пура и Таза имелся один поселок и 8 зимовок тобольских купцов П. Н. Ельцова, Я. Д. Кайдалова, В. В. Седельникова, братьев Тетюцких, С. А. Торопчина, А. Н. Шеймина, Торгового дома М. Плотникова, Нижне-Обского Товарищества и других, в которых проживало 45 чел. Сведения о кочевом населении отсутствовали [1, 140–141].

События революции и гражданской войны не изменили ритм жизни тундры. Политическая пропаганда и смена власти, а в Тобольской губернии с 1917 по 1921 гг. власть менялась 10 (!) раз, не волновала оленеводов до тех пор, пока нововведения не затронули их интересы. Гражданская война на Севере завершилась национализацией имущества рыбопромышленников. Первая советская фактория в Тазовской тундре была создана в 1920 г. – отделение Тобольской конторы Госторга.

В 1923 г. территория бывшей Тобольской (Тюменской) губернии вошла в состав Уральской области. Северо-восточные границы нового административно-территориального образования изменились на основании постановления Президиума ЦИК от 12 ноября 1923 г., согласно которому из Туруханского края Енисейской губернии была передана в Тобольский округ территория «по восточному и южному берегу Тазовской губы по р. Юрибей и до устья его на север до р. Мяцо, оттуда на северо-запад к озеру Янду, затем на север до Озерной губы» [2, 459–480]. В постановлении Уральского исполнительного комитета отмечалось: «Только северные границы Уральской области не вызывают спора с соседями: размежеваны долина р. Таза и водораздел Обско-Тазовской губы с Енисеем; эта граница согласована с Енисейским губисполкомом, Сибревкомом и в адмкомиссии ВЦИК»

[3, 20]. Но этот вывод был преждевременным: на протяжении довоенного двадцатилетия восточные границы округа менялись несколько раз, как и внутреннее деление территории района сообразно новым виткам реформ в поисках экономической целесообразности.

В составе Тобольского округа был образован Обдорский район, который включал 5 сельских советов [4, 39]. Тазовский сельский совет охватывал территорию нижнего течения р. Таза и Тазовской губы – около 50 тыс. кв. верст.

Становление новых органов местного управления проходило параллельно с функционированием родовых (ватажных, юртовых) управлений и инородческих управ. Другая проблема заключалась в том, что на протяжении 1920-х гг. власть предпринимала неоднократные попытки «перекраивания» границ северных административных районов, преследуя цель оптимизации административно-территориального устройства с учетом не только экономических, но и национальных проблем. Практически ежегодные изменения статуса территории и ее пространства не способствовали стабильности. Так, на 1 октября 1926 г. территория Обдорского района делилась уже на шесть административных центров (сельсоветов), в т. ч. двух туземных – Сынского и Тазовского. В течение 1925/26 и 1926/27 гг. в округе были организованы 12 райтузсоветов.

Тазовский райтузсовет подчинялся Обдорскому районному исполнительному комитету и дислоцировался в Хальмер-Седэ [5, 123; 6, 55]. 25 октября 1926 г. Тазовский сельсовет был преобразован в туземный район. На 1 октября 1928 г. при Тазовском райтузисполкоме были созданы ватажные управления: Тазовское, Пуровское, Ямбургсалинское [5, 157].

В 1930-е гг. из территории Тазовского района в 1932 г. был выделен Пуровский район в составе территории бассейна р. Пура с её притоками. На 1 января 1933 г. Тазовский район занимал территорию около 100 тыс. кв. км. Здесь до 1934 г. работал один национальный совет с резиденцией зимой в Хальмер-Седэ и летом – на р. Месо и Пыр-Ега (Щучье); в 1934 г. был организован Гыдоямский национальный коче-

вой совет [7, 3]. В результате ликвидации Уральской области в 1934 г. район вошел в состав Обь-Иртышской, затем в том же году – Омской области. Не вызывает сомнения, что столь частые реорганизации тормозили работу органов власти.

В 1925 г. в Обдорском районе состоялись выборы в местные советы. В следующем году была проведена перевыборная кампания. В итоге в новый состав сельсоветов было избрано 135 чел., в том числе в Тазовский – 4 чел.

При подготовке перевыборной кампании организаторы не учли многих факторов, в том числе значительных расстояний от Обдорска до районных центров. В самом отдаленном Тазовском районе перевыборы проводились без необходимой документации: инструкций, бланков отчетности и проч., средства для выезда в тундру не были выделены. Поэтому в них принимало участие только население близлежащих юрт и чумов, а также «случайно пришедшие инородцы из тундры» [5, 106]. К тому же, как отмечалось в докладе Обдорского райкома ВКП (б) в феврале 1926 г., в проведении перевыборов решающую роль играла частная инициатива: «В Тазовском сельсовете перевыборы прошли по инициативе лиц, находящихся там без посылки из района» [5, 107; 8, 34–35].

Перевыборная кампания в Обдорском районе проходила с целью наибольшего охвата населения перевыборами. Было создано 39 избирательных участков с таким расчётом, что, «где есть или можно собрать 50 человек, туда делать выезд для проведения выборов...» [5, 106].

Пятилетний опыт деятельности национальных советов показал, что по своей сути они не решали в полной степени тех задач, которые ставила перед ними новая власть. Причинами тому являлись отсутствие компетентных кадров, неграмотность работников районных исполнительных комитетов, несовершенные методы политической агитации, отсутствие материальной базы и недостаточность финансирования, умноженные на суровые природно-климатические условия, громадные расстояния между населенными пунктами, отсутствие дорог и транспорта и проч.

К тому же в конце 1920-х годов стало очевидным, что деятельность созданных советов принципиально отличается от теоретической модели, сконструированной на страницах директив партии и правительства и транслируемой средствами массовой информации. Коренное население видело в новых формах власти преемников дореволюционных институтов старшин, переносило имевшийся опыт и традиции в современную практику. Главными задачами советов, с позиции работников местных органов власти, виделись, во-первых, решение хозяйственных вопросов, а также выполнение судебных функций.

Немногочисленные делопроизводственные документы это подтверждают. Так, Тазовский районный туземный совет, начавший свою работу в ноябре 1927 г., в течение 1928 г. провел 8 заседаний, на которых было рассмотрено 48 различных вопросов, главные из которых: сбор налога по самообложению, реализация облигаций госзайма, распределение ссуд хлебозапасного магазина, сбор ссуд за перераспределенных оленей, работа с государственными организациями, школой и медпунктом, учет населения и др. [9, 223].

Протоколы заседаний Тазовского райисполкома за 1931–1933 гг. дают аналогичную картину: большинство решений принято по вопросам экономического характера (о заготовке дров, плане завоза товаров, пушно-сырьевых и оленных заготовках, о мобилизации средств и рабочей силы, строительстве и др.), а также социально-культурных мероприятий (о переносе районного центра из Хальмер-седе, борьбе с эпидемиями среди людей и животных, работе школы).

Содержание документов позволяет делать вывод о слабой политической подготовке работников райисполкома. Так, под лозунгом «борьбы с осколками антисемитизма и великорусского шовинизма» было принято решение о наказании руководителя, выступившего против назначения ненца заведующим магазином; экономические и уголовные преступления квалифицировались как политические вылазки (ограбление грузчиками местных жителей-

оленеводов, порча продуктов питания и снастей и др.) [10].

В конце 1920-х годов был накоплен определенный опыт в проведении перевыборных кампаний. В 1928–1929 г., по документам Тобольского комитета Севера, по 11 советам округа с населением 6687 чел. приняли участие в выборах чуть больше половины (51,8 %). В Тазовском туземном районе из 1157 избирателей участвовали в голосовании 454 чел. (39,2 %) – это был самый низкий показатель среди всех районов Тобольского округа. В документе отмечалось: самоеды (ненцы) оказались «в наименьшей степени советизированы», так как проживали в крайне неблагоприятных территориальных условиях и вели кочевой образ жизни [11, 84–84 об.]. Поэтому оценку политической ситуации в Тобольском округе, данную сотрудниками окружного отдела ГПУ в 1925 г., – «остяки и самоеды совершенно не знают, что такое советская власть, тем более не знают, что из себя представляет РКП», – можно признать объективной, в которой отражался уровень политического просвещения не только в середине 1920-х гг., но и в последующее десятилетие.

Создание советов всех уровней сопровождалось процессом искусственной дифференциации населения, деления его на две социальные группы – обладающих избирательными правами и лишенных их. Первоначально классовое расслоение населения мало интересовало районные власти. «Кулаков, как таковых, почти нет, если, не считая некоторых по их прежнему положению, то и те активности никакой не проявляли, специальных собраний бедняков не проводилось, да и не было в этом надобности», – констатировалось в докладе Обдорского райкома ВКП (б) в феврале 1926 г. [5, 107]. В 1929 г. в Ямало-Ненецком округе было на учете 30 человек, в лишенных избирательных прав [11, 84].

На 1931 г. список лиц, лишенных избирательных прав в Тазовском районе Ямалского округа, включал 86 человек [12, 63–67]. Основными по численности были следующие социальные группы: «торговцы», «ссылные», «служители культа». К первой категории были причислены владельцы

промысловых и торговых заведений, здесь же – активные участники ярмарочной и меновой торговли. Вторую категорию составляли немногочисленные административные ссыльные, осужденные внесудебным порядком за политические и уголовные преступления, а также раскулаченные крестьяне, сосланные из других регионов страны и южных районов области в 1930-м и последующие годы. На 1935 г. в Тазовском районе находилось 55 семей спецпереселенцев (236 человек) [5, 244].

К служителям культа были отнесены незначительное число церковнослужителей русской православной церкви и шаманы. Не только советские работники, но и ученые не имели полного представления о шаманизме. В развернувшейся на страницах научных изданий и периодической печати дискуссии о том, кого считать шаманом, вырисовывались образы противников советской власти – одних, обслуживающих нужды семьи; других, кто «шаманил» иногда и по просьбе соплеменников, т. е. нерегулярно; к третьей группе относили «профессионалов», которые регулярно занимались шаманством и получали доходы. В циркулярах для работников низовых аппаратов власти были разработаны соответствующие рекомендации по дифференциации шаманов и методов борьбы с шаманизмом. В итоге, справедливо считает А. В. Коляденкова, в отношении к шаманам сложились две противоречивые тенденции: с одной стороны, агитационно-просветительные методы борьбы были определены как основные; с другой, – по мере упрочения лозунга об «усилении классовой борьбы» число лишенных избирательных прав росло за счет вновь выявленных шаманов [13, 213].

В списках на 1931 г. по Мало-Ямальской и Гыдоямской тундре «эксплуаторами» и служителями культа значились Тогой Яби, Харючи Ольба, Яр Николай, Янде Ивну, Пане Хаге Хаби, Ядне Плэму [12, 14–15]; позднее внесены имена Солиндера Него, Тогой Яку, Хубику Тогой, Евата Ярэ, Сайвуди Ядне [12, 63–67].

Одновременно с выявлением новых «лишенцев» шел обратный процесс, но число восстановленных в избирательных

правах было невелико. Для восстановления прав бывший шаман не должен был совершать обряды на протяжении предыдущих трех лет, сдать бубен и другие предметы культа, выполнять плановые задания по рыбо- и пушным заготовкам. А, главное, – доказать свою лояльность в отношении советской власти. 10 декабря 1931 г. решением Тазовского райисполкома были восстановлены в правах Харючи Попа, Лапсуй Владимир и его жены Ярой и Евдокия. Вышеупомянутые лица, согласно протоколу, за последние 3 года шаманством не занимались, по имущественному положению все бедняки. В этом же документе зафиксировано лишение избирательных прав лиц, признанных кулаками: Ептуная Ненаг, владевшего стадом в 1200 голов, Ильи Вануйто – 1700 голов, а также Ядне Ивву – «шамана-профессионала, берущего взятки» [12, 68].

С жалобами обращались Сярмито Сэротетто, Василий Витязев, Яков Тусида и др. Последнего, имевшего 130 оленей, обобрали буквально «до нитки», оставив 30 оленей. В жалобе он просил вернуть хотя бы 40 оленей, чтобы он и семья не умерли с голоду. Я. Тусида вынужден был подписать обязательство о найме в Рыбтрест по перевозке ловцов [12, 37–39, 48–49].

На заседании Тазовского райисполкома от 10 января 1932 г. были утверждены обновленные списки лишенцев в количестве 82 чел., среди них – 5 шаманов [14, 28–33]. 3 апреля рассматривался вопрос о выявлении кулацко-шаманских хозяйств по району. В список зачислены были не только те, у кого оленнее стадо насчитывало более 1000 голов, но и малооленные и безоленные кочевники. Так, Тогой Яби, кочевник Ямбургской тундры, «в 1929 году занимался шаманством, беря за это вознаграждение в виде оленей, одежды»; Харючи Ольба (Тазовская тундра) – «имел до 400 голов оленей ранее 1926–1927 г., занимался шаманством, беря за это оленей, одежды и проч., чем самым нажил себе хозяйство»; Яр Николай (Тазовская тундра) – имел до 2000 голов оленей, до 1931 г. занимался шаманством; Ядне Ивву (Мессовская тундра) – владел «800 г. оленей, с 1914 по 1928 гг. занимался шаманством; Ядне Хлэлу (Ямбургская тундра) – имел 60 оленей,

но занимался шаманством, активно выступал против мероприятий советской власти; Салиндер Пеко (Ямбургская тундра) – владелец 60 оленей, «в настоящее время шаман». В этот список вошел и Тогой Яку (Ямбургская тундра), имевший 16 голов оленей, в 1929–1930 гг. якобы занимавшийся шаманством (установлен единичный факт). Хумыку Тогой, владелец стада в 20 голов оленей, Ядне Сайвуди, 30 голов, также были причислены к кулакам-шаманам. Замыкал список «врагов советской власти» Яр Пока (Алексей) из Тазовской тундры, обвиненный в том, что он сын отца-шамана, лишеного избирательных прав, занимался частной торговлей, «совместно с отцом нажито хозяйство с 7 до 200 голов оленей», не включая части стада на существование семьи. Все вышеназванных оленеводов хозяйства были признаны кулацко-шаманскими, а главы их лишены избирательных прав [12, 70–71].

В 1932 г. по Ямальскому округу 51 служитель культа был зачислен в категорию «лишенцев», из них по Тазовскому району – 5 человек [14, 92]. В следующем 1933 г., в списки кулаков и шаманов были зачислены оленеводы среднего Пура: Айваседа Лаинчи – «сын шамана», Айваседа Учат – «шаман-профессионал», Айваседа Лью и Айваседа Аку; с верхнего Пура – шаманы из рода Пяк 6 семей [15, 128]; с нижнего Пура – Хэну Ляду, имевший 100 оленей, свои пески, 2–3 батрака; Вора Шеня, не имеющий оленей, «сын кулака»; Шохой Сайвикер, оленевод, имевший батраков [14, 99–99 об.].

На бедняцких собраниях наивные оленеводы признавались, что платили оленями за совершенные обряды, а названные земляки попадали в «черный список» врагов. 29 января 1934 г. на бедняцком собрании участка Мессо осуждали поступок Салиндера Янгачи, отдавшего оленя шаману Салиндеру Пытри, защищали Яптика Шемко, который шаманил «только по предложению хозяина чума» [12, 77].

Отсутствие четких инструкций и указаний, с одной стороны, грамотных и компетентных работников исполкомов, с другой, привело к нарушениям в проведении выборной кампании. В 1934 г.

Ямальский окрисполком вынужден был признать: «В прошедшую самопроверочно-отчетную кампанию Советов и исполкомов выяснилось, что ведение учета и оформление списков лишенных избирательных прав ведется безобразно и с нарушением инструкций по выборам в Советы» [12, 20]. Были выявлены многочисленные нарушения со стороны местных органов, в том числе конфискация и присвоение оленного стада, чумов, одежды, предметов быта [16, 42 об.].

Взаимное непонимание противоборствующих сторон неизбежно породило конфликты. Сопrotивление мероприятиям советской власти проявлялось как в пассивной, так и активной форме. Противники мероприятий советской власти и зажиточная часть населения саботировали решения советов, организовывали альтернативные собрания [16, 39 об.–42 об.], со стороны лишенцев-олeneводоv наблюдалось «разбазаривание оленей» – раздача оленей в безвозмездное или временное пользование бедноте [12, 46]; имелись факты хищения и массового забоя оленей, смешивания колхозных и личных стад с целью скрыть истинную численность личного стада. Оленеводы покидали обжитые места и мигрировали в труднодоступные водоразделы северных рек Тольки, Пура, Таза, Енисея.

Экономические методы воздействия не всегда давали желаемые результаты: окружная прокуратура отмечала, что конкретных форм проведения экономической политики руководящие органы округа не имеют; обложение твердым заданием практиковалось, но постановлением X Пленума Комитета Севера запрещено; поэтому прибегли к методу ограничения снабжения, изоляции беднейшей части населения от влияния кулаков [16, 39 об.–42 об.].

Все чаще в ход дела пускался метод судебных репрессий, причем неоднократно подчеркивалась необходимость широкого привлечения местного населения для воспитательного воздействия: дела по обвинению кулаков, невыполнение данных или твердых заданий по пушнине, оленям должны были рассматриваться «в судебном

порядке после предварительной проработки их преступления на бедняцких собраниях и мобилизации общественного мнения вокруг судебных процессов» [16, 25 об.]. Для борьбы с хищническим убоем оленей Оргбюро Ямальского округа (6 января 1932 г.) предложило окружному суду, ограничивая рвение репрессивных органов, решать все вопросы судебным путем, «провести не более двух показательных процессов над кулацкой частью туземного населения» [5, 185; 17, 2].

Противостояние населения и власти вылилось в открытые вооруженные выступления. События на р. Тольке, Ямальская мандала 1934 г., нападения на работников национальных советов, сотрудников культбаз, учителей и др. вызывали ответные репрессивные меры.

К концу 1930-х гг., по мнению современных исследователей, советское строительство на Ямале формально было завершено. Результаты этих преобразований получили неоднозначную оценку и, наверное, еще долгое время будут предметом научных и политических дискуссий. Формирование новой системы органов власти, утверждение новых социально-экономических принципов, политической культуры сопровождалось долгосрочным процессом районирования исследуемой территории. На примере Тазовского района показано, насколько сложен и противоречив был этот процесс. Создание местных советов в Тазовской тундре проходило не в одночасье, значительно позднее, чем в губернском и районных центрах, при-

чем экономические преобразования опережали политические. Довоенное двадцатилетие было периодом грандиозных реформ и социальных экспериментов. Неудовлетворительные, а порой трагические результаты таких «преобразований» были следствием непонимания: партийные и правительственные циркуляры не учитывали специфики Заполярья и особенностей местного населения; наблюдался существенный «разрыв» между пришлым населением, осуществляющим реформы «сверху», и коренным населением, имевшим свои представления о власти, целях и средствах экономического благополучия, наконец, о мироустройстве.

К середине 1930-х гг. в большинстве регионов СССР задачи политических, экономических и культурных преобразований были решены. В Тазовском районе, как и других отдаленных районах страны, сохранялись многие проблемы, на решение которых потребовалось не одно десятилетие. Деятельность советов распространялась, в первую очередь, на оседлое население. Оленеводы-кочевники, сохраняя традиционные способы хозяйствования, были слабо подвержены влиянию новой власти. Поэтому задача перевода кочевого населения на оседлый образ жизни, а вместе с этим – совершенствование работы советов, коллективизация индивидуальных хозяйств, создание национальной школы, формирование национальных кадров и т. д., оставались актуальными в последующие 1940–1950-е годы.

Литература

1. Списки населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края: Составлены по данным Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г. и по другим исследованиям 1916–1919 гг. [Текст]. – Ч. I: Списки, итоги и алфавитный указатель. – Красноярск : Типография Енисейского губернского союза кооперативов, 1921. – 174 с.
2. XIV. Тобольский округ [Текст] // Урал: технико-экономический сборник / под общ. ред. В. Е. Грум-Гржимайло. – Екатеринбург, 1923. – Вып. 6. – 481 с.
3. Районирование Урала [Текст]. – Свердловск : Издание Уральского областного исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 1924. – 136 с.
4. Тобольский округ: Краткое описание. Природа, история и административное устройство округа [Текст]. – Вып. 1. – Тобольск : Тобольская типография «Северянин», 1925. – 40 с.
5. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства, 1822 – 1941 гг.) : сборник документов [Текст] / сост. Н. Д. Радченко, М. А. Смирнова. – Тюмень : [б/и], 1994. – 320 с.
6. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО «ГА в г. Тобольске»). – Ф. 434. – Оп. 1. – Д. 66.

7. Отчет Ямальского (Ненецкого) национального окружного комитета о работе за 1931–32–33–34 гг. [Текст]. – Салехард : Издание и типография окрисполкома, 1935. – 64 с.
8. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). – Ф. 105. – Оп. 11. – Д. 47.
9. Гриценко, В. Н. История Ямальского Севера в очерках и документах [Текст] / В. Н. Гриценко. – Т. 2. – Омск : Омское книжное издательство, 2004. – 327 с.
10. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». – Ф. Р695. – Оп. 1. – Д. 197.
11. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». – Ф. Р695. – Оп. 1. – Д. 132.
12. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (ГАЯНАО). – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 2.
13. Коляденкова, А. В. К вопросу о борьбе с шаманизмом в северных районах Уральской области в 20–30-е гг. XX века [Текст] / А. В. Коляденкова // Угры : мат-лы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г., Тобольск) / отв. ред. А. В. Нескоров. – Тобольск : [б/и], [2003]. – 586 с.
14. ГАЯНАО. – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 3.
15. Перевалова, Е. В. «Красная» колонизация Обского Севера: революционные преобразования и этничность (1917–1930-е гг.) [Текст] / Е. В. Перевалова // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 2 (23). – С. 125–133.
16. ГАСПИТО. – Ф. 135. – Оп. 1. – Д. 48.
17. ГАСПИТО. – Ф. 135. – Оп. 1. – Д. 19.

References

1. *Spiski naseleennykh punktov Enisejskoj gubernii i Uryanhajskogo kraja : Sostavleny po dannym Vserossijskoj sel'skohozyajstvennoj i gorodskoj perepisi 1917 g. i po drugim issledovaniyam 1916-1919 gg. P. I : Spiski, itogi i alfavitnyj ukazatel'* [Lists of settlements of the Yenisei province and Uryankhay territory: Compiled from national agricultural census and the city in 1917 and in other studies 1916-1919. Part I: Lists, results and alphabetical index]. Krasnoyarsk: Tipografiya Enisejskogo gubernskogo soyuza kooperativov Publ., 1921. 174 p.
2. *XIV. Tobol'skij okrug. Ural* [XIV. The Tobolsk Okrug. Ural]. Tekhniko-ehkonomicheskij sbornik [Techno-economic collection], 1923, no. 6, 481 p.
3. *Rajonirovanie Urala* [The zoning of the Urals]. Sverdlovsk: izdanie Ural'skogo oblastnogo ispolnitel'nogo komiteta soвета рабочих, krest'yanskikh i krasnoarmejskikh deputatov Publ., 1924. 136 p.
4. *Tobol'skij okrug. Kratkoe opisanie. Vyp. 1. Priroda, istoriya i administrativnoe ustrojstvo okruga* [The Tobolsk district. Brief description. Vol. 1. Nature, history and administrative structure of the district]. Tobolsk: Severyanin Publ., 1925. 40 p.
5. *Sud'by narodov Ob'-Irtyskogo Severa (Iz istorii nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva, 1822 – 1941 gg.): sbornik dokumentov* [The fate of the peoples of the Ob-Irtysh North (From the history of national and government building, 1822–1941): a collection of documents]. Tyumen: without Publ., 1994. 320 p.
6. *Gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie Tyumenskoj oblasti «Gosudarstvennyj arhiv v g. Tobol'ske»* [State budgetary institution of Tyumen region "State Archive in Tobolsk" (SBITR "SA in Tobolsk")]. F. 434. Op. 1. D. 66.
7. *Otchet Yamal'skogo (neneckogo) nacional'nogo okružnogo komiteta o rabote za 1931–32–33–34 gg.* [Report of Yamal (Nenets) national district Committee on the work for 1931–32–33–34]. – Salekhard: izdanie i tipografiya okrispolkoma Publ., 1935. 63 p.
8. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tyumenskoj oblasti* [State archive of socio-political history of the Tyumen region (SASPHTR)]. F. 105. Op. 11. D. 47.
9. Gritsenko V. N. *Istoriya Yamal'skogo Severa v ocherkah i dokumentah. V 2-h tt. T. 2.* [History of the Yamal North in essays and documents. In 2 vols. V. 2]. Омск: Омское книжное издательство Publ., 2004. 327 p.
10. *Gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie Tyumenskoj oblasti «Gosudarstvennyj arhiv v g. Tobol'ske»* [State budgetary institution of Tyumen region "State Archive in Tobolsk" (SBITR "SA in Tobolsk")]. F. R695. Op. 1. D. 197.
11. *Gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie Tyumenskoj oblasti «Gosudarstvennyj arhiv v g. Tobol'ske»* [State budgetary institution of Tyumen region "State Archive in Tobolsk" (SBITR "SA in Tobolsk")]. F. R695. Op. 1. D. 132.
12. *Gosudarstvennyj arhiv Yamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga* [State archive of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug [SAYANAО]]. F. 3. Op. 4. D. 2.
13. Kolyadenkova A. V. *K voprosu o bor'be s shamanizmom v severnykh rajonah Ural'skoj oblasti v 20 – 30-e gg. XX veka* [To the question of the suppression of shamanism in the Northern areas of the Ural region

in 20–30-ies of XX century]. *Ugry: materialy VI Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoj Sibiri»* [Ugric peoples: materials of the VI Siberian Symposium "Cultural heritage of peoples of Western Siberia" (December 9–11, 2003, Tobolsk)], 2003, 586 p. (In Russ.).

14. *Gosudarstvennyj arhiv Yamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga* [State archive of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug [SAYANAO]. F. 3. Op. 4. D. 3.

15. Perevalova E. V. «Krasnaya» kolonizaciya Obского Severa: revolyucionnye preobrazovaniya i ehtnichnost' (1917 – 1930-e gg.) ["Red" colonization of the Ob North: revolutionary transformations and ethnicity (1917-1930s)]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural historical journal]. 2009, no. 2 (23), pp. 125–133.

16. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tyumenskoj oblasti* [State archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 135. Op. 1. D. 48.

17. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tyumenskoj oblasti* [State archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 135. Op. 1. D. 19.